

Андрей Болотов

Письма о красотах природы

Андрей Болотов

Письма о красотах натуры

«Public Domain»

1790

Болотов А. Т.

Письма о красотах натуры / А. Т. Болотов — «Public Domain»,
1790

«...Вот наконец исполняю я данное тебе Слово и приступаю к писанию к тебе тех писем, о которых просил ты меня с толиким усердием и которые читать тебе с толиким возжелением хотелось. Я не знаю, не обманешься ли ты в своем ожидании и будешь ли иметь от них такую пользу и увеселение, какое ты ожидаешь и какое иметь ты ласкал себя до сего времени надеждою. Но как бы то ни было по крайней мере исполню я тот долг, которым меня любовь и дружество мое к тебе обязует, и употреблю все, что состоит только в моих силах и возможностях к удовлетворению твоего желания и просьбы и произведению тебе ожидаемой пользы. Что нужды, хотя бы не удалось мне в том совершенно пожеланию. От первого опыта дального и ожидать невозможно...»

© Болотов А. Т., 1790

© Public Domain, 1790

Содержание

Письмо 1	5
Письмо 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Болотов Андрей Тимофеевич

Письма о красотах натуры

Письмо 1

Любезный друг!

Вот наконец исполняю я данное тебе Слово и приступаю к писанию к тебе тех писем, о которых просил ты меня с толиким усердием и которые читать тебе с толиким возжелением хотелось. Я не знаю, не обманешься ли ты в своем ожидании и будешь ли иметь от них такую пользу и увеселение, какое ты ожидаешь и какое иметь [от меня] ты ласкал себя до сего времени надеждою. Но как бы то ни было по крайней мере исполню я тот долг, которым меня любовь и дружество мое к тебе обязует, и употреблю все, что состоит только в моих силах и возможностях к удовлетворению твоего желания и просьбы и произведению тебе ожидаемой пользы. Что нужды, хотя бы не удалось мне в том совершенно пожеланию. От первого опыта дального и ожидать невозможно.

Словом, вы требовали и хотели того неотменно, любезный друг! Чтоб я вам от времени до времени писал письма, содержащие в себе единую материю о красоте натуры или паче о искусстве увеселяться оною и всем устройством естества, а притом располагал бы оные так, чтоб могли они вам сколько-нибудь служить и руководством в сем полезном искусстве. Я обещал вам сие сделать, и как теперь уже то время приближается, в которое Любителю натуры можно уже начинать упражняться в сем Искусстве, то положил обещание свое исполнить.

Я думаю, что у вас так же, как и у нас, начались уже теперь ПЕРВЫЕ ТАЛИ. Сей пункт времени составляет эпоху, с которой начинается уже первый из тех разных периодов времени, на которые любитель натуры разделяет все годичное течение одного и из которых каждый в состоянии доставлять ему множество разных и особых увеселений. Он не упускает одного, и хотя первый период сей далеко еще не таков изобилен увеселительными предметами, как прочие за ним последующие, и на видимой поверхности Зеленой не произошло еще никаких важных перемен. Но они в сие уже время старается изыскивать в природе все то, что только его некоторым образом веселить сможет, и недостаток чувственных увеселений награждает уже душевными и мысленными.

Красные дни и теплейший воздух, нежели каков был во время проходящей теперь уже зимы, и отменная ясность и чистота небесного лазуревго свода, видимая нами около сего времени, привлекает первое его к себе внимание. Он смотрит на оное с некими особыми уже чувствами и веселится и одним помышлением уже, что весна близка и скоро начнется. Ему кажется, что и самое Солнце как-то светлее и яснее светит, нежели в зимнее время. В самом цвете неба находит он нечто похожее на вешний и летний его вид и нечто в особенности приятное, хотя такое, что он изобразить не может. Самые облака кажутся ему более приятнее и веселее обыкновенного. Словом, весь воздух и вся Атмосфера кажутся ему в ином и приятнейшем виде, и сердце подымается и власно, как неким нектаром, напояется у него при зрении и на единое небо, и облака его испещряются.

Обращая далее зрение свое на землю и на ближние предлежащие оному предметы, с каким удовольствием смотрит он на капли, каплющие со всех кровель, и на воду, инде целыми ручейками текущую с оных. «Вот уже началась таль! – вещает он сам себе. – Вот началась первая предвестница весны прекрасной! И лучи солнца престали уже только освещать поверхность земную, как делали они то во все зимнее время, начинают понемногу опять те благотворительные свои действия, которые толико пользе человеческому роду производят. За сим первым действием их скоро последуют и другие и несравненно их важнейшие. Скоро увижу

я не одни кровли, скидывающие с себя белую зимнюю одежду и воспринимающие свой цвет натуральный, скоро и самые поля сии, видимые в дали и оком необозриваемые белые плоскости воспримут наподобие <...> испещренный вид, а вскоре засим и они в новую свою торжественную одежду оденутся! Несколько недель остается мне уже только подождать, как глаза мои будут опять любоваться тою милою и прекрасною зеленью, которая только утешительна для нас в первое внешнее время и на которую мы никогда довольно насытиться не можем».

«Вот! – говорит он далее. – Снег и не на одних кровлях, но и везде начинает уже таять! Вот всю поверхность его лучи солнца так уже нацепляли и переработали, что она и не походит на ту, какая была прежде. С каждым днем оседает она отчасу ниже, и с каждым днем миллионы снежинок, лежащих наверху, превратившись в капельки водяные и восприняв свой естественный вид, уходят в недры исподнего Снега и там мало-помалу, сообщаясь друг с другом, готовятся к предприятию своего дальнего путешествия и к переселению себя отсюда в пределы отдаленные.

Вот уже и дороги, скрипевшие до сего под тягостию ездивших по ним саней, совсем уже иной вид восприяли. Вон там, на отдаленном отсюда поле, неприметно было ни единой, а теперь вижу я их уже явственно. Они побурели уже от обтаявшего на них навоза и лишились своего прежнего белого колера. А здесь вот совсем они уже сделались кофейными, и блестит уже на них неясный лоск утертого полозьями снега, но маленькие уже лужицы и полоски воды, натаивших от солнца.

А вот-вот расхаживают уже на них и ГРАЧИ, сии из дальних стран прилетевшие к нам первые внешние пернатые Гости. Натура повелела им быть первыми предвестниками приближающейся весны и власно, как герольдами той великой Революции, которая вскоре впоследствии имеет во всей природе. С какою ревностью ищут они разных зернушков в оголившемся на дорогах навозе и с какою охотою проглатывают, находя оные. Для них и самая сия гнусная и презренная пища служит уже сладчайшим конфетом. Голод и неимение еще лучшей услаждает им и сию негодную еству». Любитель природы смотрит с удовольствием на сии упражнения сих птиц, углубляется об них в дальнейшие помышления и сам в себе вещать продолжает:

«Дивиться истинно надобно сим пернатым Тварям! Всякий год они к нам пред наступлением весны прилетают всякую весну, видим мы у себя их устрояющих свои Гнезды, выводящих и воспитывающих детей своих, живущих с нами во все лето и наконец осенью от нас отлетающих. Но никто не знает, откуда и из каких стран прилетают они к нам и в какие страны улетают опять. Мы не видим даже и того, как и в которое точно время и отлетают они от нас. Единое точно то приметно бывает нам осенью, что они собираются кое-где на полях в небольшие ватаги и кучи. Но чтоб летело их где целое и превеликое стадо, того никому почти видеть не случалось. Все известное об них состоит только в том, что они вдруг у нас пропадают, и никому неизвестно, куда они подеваются. А и самое прилетание их в нынешнее время не менее удивительно. В одно время и везде появляются они у нас, и, судя по пространству отечества нашего, можно за верное полагать, что их проявляется вдруг несколько сот тысяч или паче миллионов, ибо везде и по всем местам усматриваем мы и вдруг рассеянных в равном количестве. Но никто и никогда еще не видал, чтобы летело их где целое стадо, из нескольких сот или нескольких тысяч состоящее!»

Мысли о сем рожают в любителя природы другие и дальнейшие к тому же предмету относящиеся. Он с удовольствием углубляется в них и паки сам себе вещает тако.

Но пускай отлетают они и прилетают неизвестным и неприметным нам образом. Но не такова же ли удивления достойно и то обстоятельство, что никогда не видим мы числа их, слишком приумножившегося. Всякую весну строят они у нас себе гнезда, всякую весну несут яйца и всякий год выводят и воспитывают множество себе детей, так что они множеством детей своих иным селениям до крайности надоедают, и к осени количество их умножается раз в десять более против прежнего. Но со всем тем в последующую затем весну прилетает

их не более, сколько прилетало прежде. Нигде неприметно, чтоб прилетали они когда-нибудь гораздо в множайшем количестве, кроме тех немногих селений, где в особенности полюбят и изберут они место для житья своего. Куда ж девается все прочее множество их и где девают они толь многих детей своих? Что б было, если б все те опять к нам прилетали, которые от нас отлетают, и все они гнезда у нас вить, а также детей выводить и размножать всякий год начали? Какому множеству надлежало уже быть оных? Никто у нас их не бьет и не стреляют. Никому они и ни на что не надобны и никто почти не мешает им размножаться. И так в немногие годы число их не умножалось, так что всех рощей наших было б мало для помещения, а всех наших хлебных полей для прокормления оных. Все поля наши они опустошали б и не оставили б ни единого снопа соломы нам для пропитания. Со всем тем сего не бывает, что напротив того число их слишком не умножается. Что иное изъясняет сие как не новую и такую черту Премудрости устроителя природы, которой разумному человеку довольно надивиться неможно.

Птицы сии хотя нам ни к чему не надобны, но произведены и [в] Системе мира находятся, верно, не по-пустому. Без всякого сумления производят они какую-нибудь важную пользу, и польза сия потому только нам неизвестна, что не для нас назначена... Почему знать, может быть, есть целые земли, целые острова негде в отдаленных пределах земного шара, где нужны для пропитания многих тысяч людей и таких же Созданий, как мы. Может быть, самые сии и презренные нами птицы служат для обитателей стран и островов сих наилучшей и приятнейшей пищей. Может быть, в самые сии места они осенью от нас и отлетают, и попечительная натура туда [в] невинные места им путь столь премудро предначертала, что они оный всегда и без проводников находить могут. Самое время прилетания их туда предназначено, может быть, самое такое, в которое они там всего нужнее и в которое без них тамошним народам питаться было б нечем. Может быть, навсегда не остаются они там для того, что им самим себя пропитать бы там нечем было или нет тамо потребных удобностей для них для размножения их рода, и оттого мог бы самый род их истребиться. Для самого того натура, может быть, и предназначила остальным из них и, что удивительнее всего, такому же количеству, как прежде, возвращаться опять в пределы наши и тут производить опять детей, долженствующих некогда таким же образом пропитать другие народы и произвести им пользу.

Все сие хотя от нас сокрыто и нам неизвестно, но весьма вероятно, а с другой стороны, может быть, и самое здешнее пребывание их не совсем без пользы остается. Вскоре, когда видимые вон тамо поля обнажатся и когда хребты оных раздираемы будут орудиями земледельцев, увидим ли мы птиц сих, следующих по стопам за пахущими земледельцами и из борозд подхватывающих червей, которые скрывались до того в недрах поверхности Земли, а тогда сохою припаханой вместе, с глыбами Земли наружу выворачиваемы будут. Почему знать, может быть, черви сии, служащие им наиприятнейшею пищею, произвели б множество вреда нашим хлебам и несравненно более б у нас похитили, нежели сколько сами грачи поедят у нас потом оных. О, таковых и подобных тому других неизвестных нам польз, может быть, производят они множество, и легко стать может, что мы не знали б, что говорить от удивления, если б все оные были нам известны.

Таковые и подобные сему размышления занимают несколько минут любителя природы и производят ту пользу, что оне их птиц сих, толико презираемых всеми, смотреть уже иными глазами. Оне почитают их уже достойными своего внимания и сколь свидетелями и доказательствами чудных и непостижимых распоряжений природы и к ним власно как к разумеющим его Слова вещает. Расхаживайте себе с миром, летайте и живите у нас, гости давно не бывалые! Не буду досадовать я на ваш крик, надоедавший толь многим, и проклинать бытие ваше! Вы, верно, не по-пустому существуете на свете, но производите, может быть, более польз, нежели сколько я думаю. Питайтесь себе и размножайте род ваш и делайте то, к чему вас натура предназначила. Не хочу никак мешать вам в том, а лучше постараюсь и сам делать то, к чему меня натура и великий устроитель оной назначил, дабы мне пред вами было не постыдно.

Тако вещающего останавливает новое зрелище и новый повод к размышлениям. Он видит престарелого земледельца, ведущего по дороге Лошадь и помешавшего птицам его упражняться далее в их работе. Старик сей от старости едва переступать мог, а бедняжка его лошадь, толико же старостью удрученная, как и он, с нуждою тащила превеликий воз хворосту за собой. Мелкий то был хворост, нарубленный из нового кустарника. Для любителя природы представилось тут новое увеселительное зрелище: все мелкие веточки сего хвороста унизаны были сплошь маленькими и наполовину только из шелушинок своих вылупившимися вербинками, имеющими лучший вид, нежели жемчуг самый. «Ах! вот уже и верба почти развернулась! – вопиет зритель нарл. – И как прекрасны сии пушинки. Из лучшего фарфора невозможно подделать им подобных! Власно, как из некакого наинейшего и гладкого бархата составлены они! Постой, старинушка! – вещает он земледельцу.) – Ссудите меня, мой друг, одним прутиком своего хвороста!» «Изволь, кормилец! – отвечает старец. – Сколько угодно возьми себе, хоть десяток целый!» «И! Нет, дружок! Мне столько не надобно, с меня будет одного, но к чему и ты, старинушка, такой огромный воз нарубил и сих прекрасных маленьких деревцов погубил такое множество?». «Мне они надобны, батюшка, плетнишко на огороде развалился, хотелось починить его, чтоб скотина не валилась». «Да, голубчик мой! Это еще слишком рано! И неужели ты теперь плетсть станешь? Это бы успел ты сделать, как и весна откроется?» Улыбнулся старец, сие услышав, и вопрошателю вещал: «Кормилец мой, но тогда лошадке-то недосужно будет. Она землю пахать станет, а теперь недосуг она натаскает как-нибудь, а что запасено, то свято и негребить. Обо всем, батюшка, надобно наперед подумать и погадать, к тому ж и хворост теперешний прочнее, нежели с <...> и в соку». «Разумное дело! – сказал ему наш вопрошатель, – По крайней мере, на что ты сам при такой старости трудишься? Ты бы таки детей своих послал и поручил им сие дело!» «И! кормилец! мои ребятишки делают другие и такие дела, которых я уже не смогу, а это по моей еще силе, так для чего и мне им не помогать, сколько сил еще есть. Даром хлеб есть никогда я не любил да и не годится никому». «Так так! старинушка! ты правду и разумно говоришь. Ну поезжай, мой друг, себе с богом и приучай и детей своих к таковому ж трудолюбию похвальному».

Старик поехал далее, а вопрошатель наш, с удовольствием посмотрев еще вслед за шествующим тихими стопами старцем и помышляя о сказанных им последних словах, сам себе сказал: «Да! недурно б было, если б и мы правилу сего старика последовали и так же бы даром – живут – на свете сем хлеб есть не любили, но что-нибудь полезное в жизнь свою делали, а не проводжали большую часть дней своих в сущих безделицах и таких ничтожностях, о которых и упоминать без стыла невозможно».

Сказав сие и пожелав старику прожить еще многие годы, возвращается он с прутиками своими в дом и спешит поставить их на окошке у себя в воду, дабы видеть ближе быть самовидцем и свидетелем тому, как натура станет простирать далее над ними свои действия и в пупушках вербных производить перемены. Тут помещает он их между горшками, содержащими в себе разные произрастения, иностранные и такие, которые не в состоянии были вытерпеть наш надворный холод и всю жестокость зимы здешней, и готовится не с меньшим любопытством и вниманием смотреть и на прутики сии, как и на те редкие и чужие травы и произрастения.

Вскоре после того приближающийся вечер и вся западная сторона небесного лазурного свода, облекающаяся в пышную и великолепную багряницу, обращают его к себе внимание. Ведая из опытов колико увеселительные зрелища на вечернее небо спешить он паки наслаждаться оным. Он смотрит опять с неким особливым удовольствием на великолепное светило дня, приближающееся к пределам горизонта, готовящегося закатиться за отдаленные хребты гор и скрыться от глаз смертных. Видение сие, хотя для него не новое, но никогда ему еще не наскучивало, но всякий раз подавало ему повод к разным увеселительным помышлениям. Он смотрит на оное, углубляется паки в приятные размышления, летает мыслями по

всему свету, провождает Солнце зрением своим за горизонт и с удовольствием оканчивает день не втуне препровожденный.

Вот вам, любезный друг! первый и слабый опыт, желаемый вами от меня писем. Признаюсь, что он весьма еще не совершенен. Предметом, которым любителю натуры можно заниматься, <...> но в теперешнее время уже так мило, что я не знал, к которому из них наилучше прилепиться, но писал о тех, какие первые повстречались с моими мыслями. Но как вперед будет еще довольно времени и случаев о прочих говорить и тем наградить недостатки письма сего, то прошу вас быть на сей раз довольными и сим обо мне не иначе заключить, как то, что я есмь искренно и нелестно вас любящий ваш друг и прочее.

Письмо 2

Любезный друг!

Как я однажды уже начал учинил писать к вам натурологические письма, то уже нет вам нужды напоминать мне более об них и о продолжении сего начатого дела. Непримину уже я сам о том помышлять, и доказательством тому может служить уже вам теперешнее письмо, толь скоро вслед за посланным первым к вам отправляемое.

Не успел я помянутое письмо к вам отправить, как восхотелось мне уже опять поговорить с вами что-нибудь о натуре; а пощастию мысли, в каких упражнялся я по случаю вчера, и открыли мне к тому вожденной путь и подали повод.

Вчера, любезный друг! по случаю продолжающейся и теплой погоды вышел я опять на крыльцо и, севши на лавочке своей, любовался по-прежнему всеми признаками приближающейся весны приятной. Час от часу умножаются они теперь, и с каждым днем представляется зрению моему нечто новое, давно невиданное и хотя ничего дальнего не значущее, но дух мой уже увеселяющее. Вдали за несколько дней до сего не видно было ничего, кроме единого снега, белизною своею глаза помрачающего, а теперь на хребтах тамошних возвышений видны уже были кой-где прогалины, и хребты сии высунули уже из-под снега черное чело свое и обнажили Землю, лежавшую толико месяцев под покрывалом зимним. Здесь, вблизи, утешал меня целой ручеек воды, текущий со двора мимо самого крыльца моего и уходящий под сугроб снега. Некое тонкое и наподобие свода устроенное сограждение из прозрачного и блестящего тонкого льда покрывало в некоторых местах текущую воду. Мороз, бывшей в преследующую ночь, произвел сие тонкое сограждение, но от солнца оно стол же скоро и разрушалось опять. Вверху, над главою моею, хотя и ничего я не видел, но слух мой поражался уже громким пением жаворонка, раздающимся по всему пространству Атмосферы. – Ах! вот и жаворонки уже проявились, возопил я: вот и вы уже здесь, о пташечки дорогие! – и вы! предвещаете мне приближение весны прекрасной. Вот и вы уже опять милым пением своим утешаете слух мой! О как приятно поете вы тамо в высотах и как искусно дребезжите голоском и играете крылушками вашими.

Сими и подобными сему другими приметами приближающейся весны веселился я несколько времени, сидючи на помянутом месте, и признаюсь вам, любезный друг, что всегда производят они мне отменное удовольствие, и я могу сказать, что весна веселит меня не только тогда, когда она действительно настанет, но весна задолго еще и до того времени. Я воображаю себе все ее приятности и все то, что в ней хорошего есть, и воображения сии душу мою почти також сладостно, как и тогда, когда увеселяюсь я ею в свое время. А сим образом предварительно веселился я и вчера ею.

Во время сих помышлений о весне между прочими мыслями родились во мне некоторые и о том: коль великие и много различные выгоды проистекают нам от того, что премудрому устроителю природы угодно было все течение года разделить на 4 известные нам годовые времена и распорядить так, чтоб они непременно порядком друг за другом следовали, а особливо коль многою и особливою благодарностию обязаны мы собственно владельцу Мира, что он соблаговолил назначить нам такие пределы и такие климаты Земного шара для обиталища, где все сии 4 время года почти между собой уравнены. И как мысли о сем легко могут и для вас толико же увеселительными быть, колико были для меня, то сообщу я вам оныя по тому порядку, каким следовали они друг за другом.

Имеем мы, говорил я себе, 4 время года, последующие друг за другом и продолжающиеся по несколько месяцев. Но не достойно ли особого примечания, что некоторое из них не продолжается у нас так долго, чтоб могло нам слишком уже прискучить. Самая зима хотя и кажется нам несколько длиннейшею пред прочими, но если исключить из ней первое

начало оной, принадлежащее более к осени, и теперешнее окончание, принадлежащее некоторым образом уже к весне, то выдут почти те ж три месяца, поскольку продолжаются и прочие времена года. Но хотя бы она и действительно была несколько длиннее прочих, но можно ли нам сказать, чтоб она прискучивала уже нам слишком, а напротив того, не должны ли мы признаться, что не успеем мы ею несколько начинать скучать, как уже и начнет вскрываться весна и наступать сие прелестное в году и то время, которое приятности своими с лихвою заменяет уже нам всю скуку претерпенную уже нами в Зимнее время. А не успеет сия наилучшая часть года в глазах наших начать терять свою цену, как тотчас начинается лето, а засим в таковое же время непосредственно наступает богатая осень, приближающая нас наконец толь нечувствительно к Зиме, что мы начинаем и самого сего скучнейшего в Году времени желать пожить с нетерпением.

Но что б было, естли б такого премудрого разделения годовых времен или по крайней мере такого пропорционального между ими уравниения не было? Коликих выгод и коль многих приятностей лишились бы мы из тех, которыми по благодати зиждителей наслаждаемся мы ежегодно ныне? Что б было, естли б единая зима во все течение года или большую часть оного продолжалась? Не стали ли и мы таким же образом прескучнейшею и наибеднейшую жизнь влачить, в каковой препровождают все течение оной обитатели отдаленных северных стран, лишаящиеся инде на несколько месяцев самого солнечного света; провождающие все дни и ночи во Мраке и темноте едино равной, борющиеся ежедневно с жестокими мразами и лишавшимися всех тех бесчисленных выгод, какими мы и во время зимы нашей пользуемся и наслаждаемся! Что б было, если во все течение года или большую часть оного продолжалось и единое лето с палящими своими и несносными жарами? Коль бесчисленных выгод из тех, какими мы ныне наслаждаемся, лишились бы мы и в сем случае? Примеры чорных обитателей стран, лежащих под жаркими поясами земного шара, доказывают нам со избытком, что беспрерывные жары не менее отяготительны и скучны, как и беспрерывные стужи, и что в странах сих жить еще несноснее, нежели в холодных. Какие опустошения в природе производит в сих стужа, такие же или еще вящие производят тамо жары и палящие зной. Единые описания о жизни, какую влачат тамошние дикие и черные народы, наводят на нас уже ужас и производят некое отвращение к оной. Бесперывной весне быть хотя и невозможно, но в случае и таковой не лишились бы мы также бесчисленных выгод и приятностей? Кому не известно, что все внешние предметы, толико нас увеселяющие, пленяют и очаровывают очи и души наши только потому, что они изредка и не всегда, но один только раз в году нашему зрению представляются. Но что б было, если б самые предметы сии, предметы, о коих единое воображение души наши власно как неким нектаром услаждает и коих мы теперь ждем и недождемся, представлялись бы беспрерывно и всегда и всегда очам нашим? Могли ль бы мы иметь тогда то неописанное удовольствие, какое вскоре иметь мы будем, взирая на произрастающую из земли первую зеленую травку, на прекрасные бархаты, коими поля покроются; на развертывающиеся листки на деревьях; на нежную и приятную зелень вновь одевшегося леса; на те бесчисленные и разноколерные цветы, коими вскоре украсятся луга и деревья наши и на которые мы довольно насмотреться не можем. Не наскучили ли б они нам очень скоро? Не лишились ли б всех приятностей своих, и не дошло бы скоро до того, что мы на них и смотреть бы не стали? Самые наилучшие и увеселительнейшие предметы потеряли б всю свою цену в глазах наших. А что я теперь о предметах, увеселяющих наше зрение, говорил так, то же самое и о предметах, увеселяющих наш слух и обоняние, сказать можно. Какое удовольствие вскоре слух наш наслаждаться будет, когда леса, роща и сады наши наполнятся маленькими пернатыми обитателями, приводящими разными пениями и голосами своими слух наш иногда в восхищение! Не стали б ли мы ими так утешаться, если б продолжалось сие беспрерывно? Не потерял ли б тогда и самой громкий крик Соловья, которой вот скоро уже раздаваться будет по всем лесам и садам нашим всю свою красу и приятность? Не стали б ли мы и оной слушать без всякого удовольствия? А не приску-

чили б ли также нам и все благоухания, исходящие от трав, деревьев и цветов в вешнее время, если б наполнялся воздух ими непрерывно. Не известно ли, что и самые лучшие ароматы теряют для нас приятность свою, если мы всякий день и непрерывно их обонянием нашим ощущать станем? Слишком весна лишилась бы всех прелестностей и приятностей своих, если б была непрерывная или большую часть года продолжающеюся.

Но при теперешнем толико полезном для нас уравниении всех годовых времен и последствий их друг за другом всего того не бывает: но всякое годовое время сохраняет все свои приятности для нас в полном совершенстве. Всякое имеет свои особые увеселяющие и чувства и душу нашу предметы; и предметы сии никогда нам не наскучивают, но мы ими всякой год вновь и столько ж наслаждаемся, сколько наслаждались прежде. И так не должны ли мы за то благодарить великого устроителя природы и восхвалять имя его за толикую его к нам милость и за то, что он не только о пользах, но и о самых увеселениях наших имел толикое попечение!

В сих и подобных сему размышлениях препроводил я с удовольствием более часа сидючи на своей лавочке. Однако при том одном не осталось, но мысли сии нечувствительно открыли мне новое и обширное поле к размышлениям, не менее приятным и не менее увеселительным.

Я получил повод через то помыслить и о самых причинах, производящих как помянутую перемену годовых времен, так и все то, что в природе тогда при моих глазах происходило. Помыслить и о том, отчего бы собственно то делалось, что тоже Солнце, которое нередко и во все течение Зимы столь же ясно и светло светило, но ничего не действовало, и Снег от него немало не таял, а теперь так много уже пригревает и толикую перемену в снеге производит. Отчего на бегу своем оно час от часу поднимается выше? Отчего восходит и заходит всякой день не в тех местах, где выходило и заходило за неделю до сего, но со всяким днем и по утру и в вечеру подвигается ближе к Северу. Отчего собственно то делается, что чем выше солнце в полдни поднимается, тем воздух становится у нас теплее? Наконец, чтоб собственно причиною тому было, что у нас весна после зимы делается, а после ей лето, а засим осень и зима последует; и отчего наблюдается во всем том всякой год одинаковой порядок и никогда оной не нарушается и не происходит ни малейшего во всем том беспорядка и замешательства.

Ах, любезный друг! все сии происшествия и обстоятельства от единого только обыкновения и оттого, что мы их часто видим и видеть их привыкли, нами не уважается и нам не в диковинку, в самом же деле достойны они наивеличайшего нашего внимания и рассмотрения. И каждое из них не менее может заставить нас чудиться непостижимой премудрости Зиждителя, употребленной им при устройении природы, и каждое способно заставить нас утопать в глубокомысленных размышлениях и выходить самих из себя от уравниения.

Ибо подумайте, любезный друг! коль многому важному, удивительному и непостижимому надлежало быть в Природе и системе Мира устроено и происходить единственно для того по-видимому ничего не значущего и не удивляющего обстоятельства. Чтоб Солнце по одному пути не шествовало, но со всяким днем либо поднималось выше, либо опускалось ниже! Коль великой премудрости надлежало употребленной быть при устройении того, чтоб у нас навсегда одинаковое годовое время и навсегда одна только весна или зима была, но чтобы сии годовые времена друг за другом последовали, и так порядочно друг друга и толь многие уже тысячи лет сменяли. Пробежим, любезный друг, хоть вскользь мыслями все то, что нам о сем известно, а что сама природа уму смертных о том открыть в последние времена благоволила.

В старину только и в глубочайшую древность и одни только наши праотцы думали, и один только подлой и глупой народ думает ныне, что помянутым образом солнце по небу катается и на сем бегу своем ежедневно поднимается выше или опускается ниже. А ныне известное то дело, и ни один из разумных и просвещенных людей не сомневается уже нимало в том, что происходит сие не от движения солнца, но от движения нашей земли, и что не солнце бежит вокруг нас, но наш Земной шар вокруг оно. Известное то дело, что солнце стоит непоколебимо в одном месте, а что нам кажется, что оно бежит, то происходит оттого, что наш огромный

Земной Шар вместе с нами вокруг себя непрерывно вертится и в каждые сутки перевернется один раз, и устроено сие для того, чтоб все бока оного, и все твари, живущие и находящиеся на поверхности оного, могли ежедневно освещаемы и обогреваемы быть, и все могли б благотворительными действиями оного пользоваться. Известное и неповторимое уже то дело, что от самого того делается у нас дни и ночи; от самого того те приятные утры и вечера, которые толико для нас утешительны бывают. И заветное то дело, что мы по вечерам по одной привычке только говорим, что Солнце садится и закатывается за Горы, холмы и леса, а в самом деле оно не престаёт ни на минуту продолжать свое действие; но в то время, когда скрывается от нашего Зрения, начинает освещать и таким же образом обогревать обращающийся к нему бок Земного Шара и те страны и твари, которые обитают и находятся тамо, и продолжает делать сие во все то время, покуда продолжается у нас ночь и покуда обернется и нам опять наш бок, и таким же образом поутру, оставив их, начнет паки нам благодетельствовать.

Но теперь, прострем, любезный друг, мысли свои далее и подумаем о том, отчего бы собственно земной наш шар сим образом вокруг себя вертелся? Кто приводит его в движение таковое и в движение толико порядочное? Колико сот, колико тысяч лет уже прошло, как началось оное: но со всем тем происходит сие всегда наипорядочнейшим образом, и никогда не примечено в том ни малейшего беспорядка. Колико часов и колико минут должно дню или ночи, в которое-нибудь известное время в году продолжаться, толико и продолжаются они всякой год в то время и с такою точностью, что мы можем не только час, но самую ту минуту назначить, в которую Солнце взойти или закатиться в то время должно. Никогда не происходит в том ни малейшей ошибки, и никогда не вздумается Солнцу ни одного часа лишнего над нами или под нами позамедлиться. Но можно ли и произойти в том Ошибки, когда устроила и распоряжала сие рука всемогущего и премудрого зиждителя и устроила с таким непостижимым искусством, что умы смертных колико ни напрягают свои силы к усмотрению причин, понуждающих Землю продолжать сим образом непрерывное свое круговращение, но со всею своею премудростью не могут усмотреть и проникнуть ни малейшей черты, до сего относящейся, и пункт сей остается и поныне и останется, может быть, навсегда для них совсем неисповедимым и сокровенным.

Но сего еще не довольно, но с мыслью о сем встречается другая, относящаяся до другого, хотя также нам известного и весьма важного, однако по такой же привычке нимало нас не удивляющего обстоятельства, на которое в самом деле не меньшого удивления нашего достойно, а именно: того обстоятельства, что помянутые дни и ночи бывают у нас только 2 раза в году и то самое короткое время между собою равны, а в прочее время в году видим, мы всегдашнюю между ими неровность и ежедневную прибавку или убавку оных, происходящую, однако, с наблюдением наиточнейшего и толь многие веки всякий год одинакового порядка. Обстоятельство сие нам всем известно. Мы видим оное ежедневно, но никому почти из нас в мысль не приходит подумать о том, отчего бы это так делалось? и что б собственно причиною тому было, что наблюдается натурою и в сем случае такой порядок? и в декабре, на примере, не случится никогда таких длинных дней, какие бывают в апреле и мае, а надобно опять быть апрелю или маю для оных.

Единых ученых и старающихся вникать в устройство природы столько, сколько пределы разума им дозволить могут побудить сей пункт к дальнейшим помышлениям и догадкам. Сии не успели начать о том думать, как стали догадываться и усматривать, что всему сему не можно б никак происходить, если б земля помянутым образом вертелась, стоя на одном месте, но что для сего предписано ей иметь и другое движение и, вертясь вокруг себя, бегать еще по неизмеримому пространству воздуха и в превеликом отдалении вокруг Солнца, бегать всегда по единому пути и бег сей оканчивать всегда единожды в годичное время. Но и от сего одного не произошло б еще таковой удивительной и всегда одинаковой неравности в днях и ночах, но надлежало чтоб оба сии движения были друг другу несообразны и не так происходили, чтоб

обращение Земли вокруг себя сообразовывалось с бегом ее в округ солнца, и мысленная Ось, вокруг которой обращается сей шар, наклонялась бы всегда в ту сторону, куда бежит оной, описывая дугобразную черту свою около солнца или, яснее говоря, и сравнив землю с яблоком, имеющим внизу Стебло, аверху струп от бывшего и засохшего цветка и вертящимся вокруг себя так, чтоб сей струи и стебло были на одном месте и составляли концы оси, бежала б по дороге своей вокруг Солнца всегда поминутным струпом по пути вперед, а стебло имея всегда позади. В сем случае, не только не было б у нас ни весны, ни лета, ни осени, ни зимы, но и всего того удивительного различия в долготе дней и ночей, какое мы видим, и что удивительнее всего во всех разных странах и пределах земного шара неодинакового, а многообразного и всякой стране особенного и ей только свойственного. Не было б, говорю я, того, чтоб в иных местах зимою по несколько месяцев продолжалась ночь, а летом по несколько месяцев день непрерывной. Для всего того нужно было другое и такое распоряжение в первом ее движении или обращении вокруг себя, которому мы довольно надивиться не можем, а именно такое, чтоб на пути своем вокруг солнца вертелся б сей шар вокруг себя всегда в одну сторону и нимало никуда не наклоняясь. Словом, чтоб концы Оси его или помянутые, взятые в сравнение, струп и стебло яблока всегда устремлены были в одну, в начале им назначенную страну, нимало не соображаясь с дугобразною чертою, каковою бежит земля вокруг солнца. Сие то странное и удивительное обстоятельство производит все те выше упомянутые разности и неровности дней и ночей на всем Земном шаре, которым мы довольно надивиться не можем. Наконец и сего всего далеко еще недостаточно к тому, чтоб могла происходить у нас перемена в годовых временах. Все сие не в состоянии еще было производить на Земном шаре всегда различную степень теплоты и холода, но к сему потребно было еще другое не менее чудное и не менее удивительное распоряжение. Чтоб происходило и делалось у нас сие и оттого была б у нас весна, лето, осень и зима, угодно было великому устроителю мира сделать еще нечто особенное, а именно при помянутом бегании Земли вокруг солнца повелел он ей бегать не всегда от солнца на одинаковое расстояние, но иногда приближаться к нему несколькими миллионами верст ближе, а иногда удаляться от него несколько миллионов верст далее. Одним словом, чтоб она бегом своим описывала черту, не совершенно круглую, а овальную или круглопродолговатую. Распоряжение сие сделано для того, чтоб в первом случае и когда земля приблизится к солнцу ближе, лучи ононого действовали на поверхности земной сильнее и, производя более жара, производили у нас лето, а в последнем и когда удалится она от Солнца далее, лучи ононого действовали слабее, и оттого происходила у нас Зима, а от среднего расстояния оной от солнца имела б весна и осень свое происхождение. Вот причина, отчего в зимнее время солнце и в самые полдни ничего не греет, хотя видим мы его столь же ясно светящим, а в летнее при самом вечере и когда солнце таково ж уже низко, как зимою в полдни. Чувствуешь, однако, от него превеликой еще жар и теплоту, и не доказывает ли все вышеупомянутое, что всему тому, как и самой теперечней нашей Тали, притчиною то, что мы несколькими миллионами верст придвинулись к Солнцу нашему ближе, нежели как находились в минувшие месяцы, нето теперь со всяким днем придвигаемся мы к нему ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.